

**ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ СОВЕСТИ
В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ
ВО ВРЕМЕНА СВЯТИТЕЛЯ
ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО
(К 300–ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СВЯТОГО)**

*А.А. ГОРБУНОВ, протодиакон
г. Барановичи, Свято–Покровский храм*

Дорогие отцы, братья и сестры! Мы с вами имеем большое преимущество в оценке деяний наших предков, поскольку видим исторический результат. Когда мы оцениваем собственные поступки, совершенные годы и десятилетия тому назад, мы редко себя судим, особенно когда неверные поступки были совершены в согласии с нашей совестью. Кто–то заметил, что человек не может заблуждаться нарочно. Давайте не будем спешить судить историю и ее деятелей, а посмотрим на всё *оком благоутробным*. Именно так смотрел на своих современников святитель Георгий Могилевский.

В своей речи, произнесенной в 1765 году в Варшаве на аудиенции у нового польского короля Станислава Августа Понятовского, святой вспоминает обращение арестованного апостола Павла к царю Агриппе с просьбой о даровании ему свободы и сравнивает притеснение православных в Речи Посполитой с оковами апостола Павла. Он называет это притеснение оковами, возложенными «на совесть нашу» [1,84]. В завершении своей речи могилевский архипастырь просит короля «возвратить нам и совести нашей прежнюю свободу» [1,86]. Речь святителя, сказанная им на латинском языке, впоследствии была переведена на современные европейские языки и стала известна во всей Западной Европе. Указанные цитаты позволяют говорить о проблеме свободы совести, озвученной епископом Георгием перед главой польского государства.

Идея свободы совести зародилась в умах гуманистов начиная с Эразма Роттердамского, который в основу отношения к инакомыслию полагал апостольский принцип: «не де-

лай другому того, чего не желаешь себе». Стоит заметить, что гуманизм в то время также считался ересью.

Общественный резонанс получил спор французского гуманиста Себастьяна Кастеллио с Жаном Кальвином. В 1553 году по обвинению в антитринитаризме в Женеве был сожжен на костре испанский врач и богослов Мигель Сервет. Эта казнь была одобрена большинством протестантских богословов, в том числе Ф. Меланхтоном и Ж. Кальвином. Последний даже написал трактат под названием «Защита ортодоксальной веры в Святую Троицу». Кастеллио назвал казнь Сервета убийством и в ответ написал трактат «О еретиках, нужно ли их преследовать». В нем он говорит: «Зачем же, Кальвин, ты делаешь другим то, чего не хотел бы, чтобы делали тебе? Можно ли делать другим то, что сам не стал бы терпеть?» [3,76].

Такое отношение протестантских богословов к еретикам, которые в глазах господствующего в Европе католицизма тоже, в свою очередь, рассматривались как еретики, было по причине возникновения протестантизма в системе католической Европы. Здесь, *во-первых*, мы видим, что казнь за богохульство и вероотступничество принималась обществом как норма. *Во-вторых*, общество не имело опыта существования государства без государственной религии, то что сегодня называется светским государством. Именно поэтому, отказавшись от «папизма», европейские правители объявляли государственной верой протестантские учения. На первых этапах реформации это были Лютеранство и Кальвинизм.

Оправдание применения силы в проповеди спасения вошло в сознание западной церкви со времен блаженного Августина Иппонского (354–430). Основанием для насилия стали слова из притчи о званых на вечерю «изыди на пути и халуги, и убеди внити» (Лк. 14,23). Слово «убеди» (в греческом оригинале «ἀνάγκασον») на латинский язык было переведено как «compelle», что буквально означает «заставь». Как заключает исследователь М.С. Стецкевич, «фраза, которая в первоначальном греческом тексте означала «настойчиво убеждай, побуждай», у Августина стала основой для оправдания принуждения, насилия во имя истины» [3,43]. Такое

насилие в глазах Августина было сродни отеческому наказанию, исполненному любви.

Многие думают, что, со времени издания Константином Великим Миланского Эдикта в 313 году, Церковь постепенно слилась с государством, что послужило причиной интолерантности, нетерпимости, которой до этого не было. Не стоит забывать, что христианство, получив статус государственной религии, пришло на смену римскому политеизму. В римской религии не осуждалось почитание «чужих богов» (о «ложных богах» речь не заходила), что некоторые принимают за веротерпимость. Однако безбожие и богохульство все же считалось преступлением, достойным наказания и даже смерти. Именно за это в первую очередь и осуждали христиан в эпоху гонений. Следует разуть, что безбожие и богохульство с древних времен называли словом «нечестие» (греч. — ἄσεβεια). В жизнеописаниях древних мучеников гонители часто называются нечестивыми. Но в глазах гонителей христиане также были нечестивыми. Ненависть к богохульнику с древних времен считалась «благочестием» — «εὐσεβία» — и всегда считалась праведной ревностью о Боге. С принятием монотеистического христианства общество обратило свою ревность на всех, кто не почитал Единственного Истинного Бога. Нечестивыми стали называть язычников и иудеев, это определение осталось за атеистами. К нечестивым также стали относить и тех, что хоть и почитал Христа, но неправо, т.е. еретики.

Как раз о такой благочестивой ревности упоминал святитель Георгий Конисский, обращаясь к королю Станиславу Августу: «Так, Пресветлейший Король! Ты исполнен ревностью к Вере Римско–Католической». [1,86]

В Речи Посполитой православные и протестанты считались еретиками. Им усвоили наименование *диссиденты*. Поскольку латинская вера была государственной, и в верховном органе власти республики — Сейме — были одни католики, то отношение к инославным было соответствующее.

Спустя два года после знаменитой речи на аудиенции у короля, в праздник Рождества Предтечи и в день рождения императрицы Екатерины II, епископ Георгий, в очередной

раз вздыхая о тяжелом положении православных в белорусской земле на протяжении более чем полутора столетия лет, восклицает: «Вопросит кто, может быть, неужели такое гонение делается по воле всего здешнего правительства? На то отвечаю: так думать и говорить грешно» [1,93]. Как видим, не все были сторонниками насильственных мер против диссидентов.

Среди гонителей, помимо тех, кто притесняет православных ради карьеры или наживы, святитель Георгий находил иных, которые «веру свою за правую, а нашу за заблуждение почитая ... хотят веру нашу истребить, а свою распространить» [1,93].

Он сравнивал их с израильтянами, воздвигшими гонение на христиан, о которых апостол Павел писал: «свидетельствую о них, что имеют ревность Божию, но не по разуму» (Рим. 10,2). На них, говорит святой, «сбывается оное слово Христово: «приидет час, да всяк, иже убьет вы, мнитя службу приносить Богу» (Ин. 16,2).

Таким образом, несмотря на множество обид и притеснений со стороны гонителей, святитель Георгий, как и подобает святому, находил возможность оправдывать своих обидчиков и отвечать любовью на ненависть.

Благодаря усердию и настойчивости Святителя Георгия Конисского, в 1768 году Сеймом были утверждены «Трактат о вечной дружбе» между Россией и Польшей, а также *сепаратный акт*, согласно которому «диссидентам были возвращены все гражданские и политические права наравне с католиками, свобода вероисповедания обеспечивалась навечно, воспрещены оскорбительные для диссидентов названия, для рассмотрения жалоб православных на католиков и униатов образован смешанный суд, в состав которого был назначен преосвященный Георгий» [2,230]. Несмотря на то, что католичество осталось государственной религией и за переход из него полагалось изгнание из страны, говорить о свободе совести было пока рано, решения сеймов 1767–1768 годов явились огромной победой в деле веротерпимости в Речи Посполитой. В благодарность святителю Георгию немецкие

лютеране Могилева поместили портрет святого в своей кирхе.

Список использованных источников

1. Слова и речи Георгия Конисского, Архиепископа Могилевского: репринтное издание – Могилев: АмелияПринт, 2017. – 488 с.

2. Булгаков Михаил, протоиерей. Преосвященный Георгий Конисский, Архиепископ Могилевский –Мн.: «Виноград», 2000. – 656 с.

3. Стецкевич М. С. Свобода совести: Учеб. пособие. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. – 299 с.